

Пѣсни отживающаго поколѣнія.

Новое время—новыя птицы*

Новыя птицы—новыя пѣсни

Усложнившіяся жизненныя условія, близкое соприкосновение города съ деревней, притокъ новыхъ вѣяній,—все это постепенно разрушало и продолжаетъ разрушать былой патриархальный укладъ, мѣняло и все еще продолжаетъ мѣнять духовную фیزیономію деревни. Перемѣна въ настроенія не могла не сказаться на народномъ творествѣ, въ которомъ отражаются всѣ измѣненія массовой психологіи. Давно уже проникъ въ деревню и здѣсь укоренился новый родъ пѣсни. Около 20 лѣтъ назадъ всѣмъ извѣстный беллетристъ-этнографъ С. В. Максимовъ жаловался, что „канфетки и стрѣлочки изгнали коренную и родную народную пѣсню“*). „Припѣвки“, „ихахошки“, „пригудки“ и т. д., подъ общимъ названіемъ *частушекъ*, вытѣснили старую, „протяжную“ пѣсню, которую теперь только случайно, очень рѣдко можно услышать отъ стариковъ и старушекъ, считающихся уже теперь рѣдкими единицами. Пройдетъ десять лѣтъ—и сойдутъ въ могилу эти милые и простодушные хранители произведеній стараго пѣсеннаго творчества. Необходимо приложить всѣ старанія, чтобы спасти отъ забвенія старинную пѣсню.

Въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ, Иркутской губ., мнѣ посчастливилось записать нѣсколько пѣсенъ со словъ старушки крестьянки (60 л.) Елены Алексѣевны Виноградовой (въ селѣ Тулунѣ).

*) «Живая старина», 1897) в. I, стр. 49.

I.

Какъ за рѣченкой казакъ гулялъ,
Ковыль—травоньку рвалъ,
Огонечекъ онъ клалъ да раскладывалъ.
Свои раны онъ развязывалъ,

приговаривалъ:

—Ужъ вы, раны мои, вы тяжелыя,
Тяжелымъ-то тяжелы, тяжеленьки,
Ко сердцу-то подошли, ко ретивому.
Видно, смерть мнѣ пришла подъ

березынькой,

Добру молодцу.

Передъ смертью казакъ

Своему коню наказывалъ:

—Ужъ ты, конь, ты, мой, конь

вороненькій,

Ты лети-ка, мой конь,

Къ моему батюшкѣ въ дворъ,

Ко дубовымъ воротамъ,

Ко прекрасному крыльцу.

Молода моя жена

Выйдетъ спрашивать,

А родимый мой бтюшка

За шелковъ поводъ возьметъ,

Родимая моя матушка

Будетъ тебя разглаживать да

выспрашивать:

—Конь, ты, мой конь,

Гдѣ хозяинъ твой?—

—Хозяинъ мой въ чистомъ полѣ,

Подъ кудрявой подъ березочкой:

Не одинъ онъ лежитъ—со дружинишкой,

Съ острой сабелькой.

Эта пѣсня полсотни годовъ назадъ считалась старинной, по сообщенію *пъсельницы*, которая „переняла“ ее отъ своего дѣдушки (въ селѣ Шабарта, Нижнеудинск. у.), будучи еще *малолѣткою*.

II.

Ужъ вы, горы мои закубанскія,

Закубанскія горы повысоки,—

Что-то вы, горы, породили?

—Породили мы, горы,

Быстру рѣченьку.
Бѣжить рѣчка быстра, камениста,
А середи рѣчки стоялъ
Часть ракитовъ кустъ.
На кусту-то сидитъ
Младъ сизой орелъ,
Во когтяхъ-то онъ держитъ
Черна ворона.
Онъ бить его не бьетъ,
А все выпрашиваетъ:
—Гдѣ ты, воронъ, былъ,
Гдѣ полетывалъ?
Что, воронъ, видалъ,
Что повидывалъ?—
—Леталъ я, воронъ,
По крутымъ горамъ,
По дикимъ степямъ.
Видалъ я бѣду бѣдную—
Тѣло бѣлое, молодецкое,
Грудь солдатскую,—
Среди поля лежитъ
Не обмытое,
Не прикрытое.
Никто къ нему не хаживалъ,
Никто слѣда не пролаживалъ.
Прилетѣли къ нему три касаточки:
Одна-то касаточка—
Мать родимая,
Другая—родима сестрица,
Третья—молода жена.
Мать сѣла ему на головушку,
Сестра—на бѣлу грудь,
А жена его—на рѣзвы ноги.
Мать плачетъ, какъ рѣка бѣжитъ,
Сестра плачетъ, какъ ключи кипятъ,
Молода жена плачетъ,
Какъ утрення роса съ травы падетъ:
Солнце выглянетъ—росу высушить,
И жена гулять пойдетъ.
Къ этой пѣснѣ Виноградова поясняла:
— Соберутся, бывало, съ прялками, а кто съ шитвомъ*)

*) Съ шитьемъ.

у кого-нибудь изъ сусѣдей, ну и поють; мы, дѣвченки, тутъ же—кто пряжу мотаеть, а кто лучину держить: тогда еще съ лучиной вечера-то сидѣли.

III.

— А вотъ мой дѣдушка Сергѣй Григорычъ любилъ пѣсню:

Какъ со вчера	Сабля острая.
Мужъ коня сѣдлалъ,	*)
А съ полуночи	По утру ранешенько
Въ разбой ѣзжалъ,	Вставали дѣтушки,—
Ко бѣлу свѣту	Доправляли свою
Домой пріѣзжалъ.	Родиму матушку:
Постукался,	—Ахъ ты, Господи,
Побрякался:	Гдѣ наша матушка?—
—Пропусти, жена,	—Ваша матушка
Пропусти, молода;	На рѣку ушла,
Ты бери, жена,	На глубокую.—
Сумы новыя.—	Дѣти сбѣгали,
Сняла жена	Попровѣдали:
Сумы новыя,	„Нѣтъ нашей матушки!“
Въ сумѣ-то было	—Ваша матушка
Цвѣтно платице.	Въ банѣ парится,
Платье вынула—	Бѣло моется.
Ручкамъ схлопнула,	Сбѣгали,
Слезно всплакала:	Попровѣдали:
—Зачѣмъ убилъ,	“Все нѣтъ маменьки!“
Зачѣмъ загубилъ?—	—Ну, ужъ, дѣтушки,
Это была моя	Скажу я вамъ
Родима сестрица,	Правду-истину:
А дѣтямъ своимъ	Ваша маменька
Родима маменька.	Во сыромъ бору
—Не я ее убилъ,	Подъ сосенкой
Не я погубилъ,	Береть ягодыки...
А убила ее	**)
Ночка темная,	

IV.

Бѣлы снѣжки лопушисты

Покрывали всѣ поля,

*) «Тутъ маленько запаматовала» (Е. А. В-ва).

**) «Конецъ вотъ то же теперь ужъ не вспомню» (Е. А. В-ва).

Одно поле стоять непокрытое,—
Горе лютое, братцы, мое.
Среди поля стоялъ кусточекъ,
Одинешенекъ онъ, братъ, стоитъ.
Его вѣточки къ землѣ пригнуты,
И ни листочка на немъ нѣтъ.
Я со той тоски-досады
Пойду—выйду на рѣку.
На крутомъ на бережечкѣ
Подыщу себѣ пенечекъ,
Подгорюнившись, сяду—посажу,
Погляжу я въ ту сторонку,
Гдѣ судьба моя живетъ...
Откуль взялся сизенькій голубчикъ,
Вьется голубъ надо мной.
Вился голубъ, вился сизый,
Началъ спрашивать меня!
Скажи-ка мнѣ, дѣвица,
Гдѣ же родина твоя...

.....*

Поди, дѣвушка, поди, красная,
Замужъ за меня...

V.

Гуленька ты, голубчикъ,
Златокрылый воркуночекъ,
Зачѣмъ въ гости ко мнѣ не летаешь?
Али дома моего не знаешь?
Али голосу ты моего не слышишь?
Вѣрно, мой громкій голосъ
Вѣтричкомъ относитъ,
А тебя, вѣрно, голубя,
Дождичкомъ мочить,
Осеннимъ насквозь проливаетъ.
Про тебя я вѣсточку услышала,
Что ты сидишь во засадѣ,
Во бѣлой палатѣ—
Въ губернскомъ острогѣ,
Гдѣ нѣтъ ни дверей, ни окошекъ,
Только есть одна печь муровая,
А въ ней труба дымовая...

*) «Тутъ у нихъ разговоръ идетъ, да забыла я...» Наконецъ, онъ ей говоритъ: «Поди, дѣвушка» (Е. А. В-ва).

VI.

Проходи-ко, скучно время, поскорѣй,
Протекайте, всѣ минуты, люты дни.
Подъ окошечкомъ бѣдна дѣвчонка,
Призадумавшись, сидитъ,
Сидитъ—плачетъ и рыдаетъ,
Въ слезахъ рѣчи говорить:
— Долго ли я буду крушиться,
Долго ли я буду страдать?
Чего сердце мое ожидаетъ—
Будто милого мнѣ не видать.
Сохнетъ и блекнетъ въ полѣ травка безъ дождя,
Плачетъ дѣвушка безъ милаго дружка.
Когда дождичкомъ травку помочить,
Травка воздохнетъ,—
Когда меня милый полюбитъ,
Тогда сердце мое отойдетъ.
Расцвѣтутъ цвѣточки
И всѣ ракитовы кусты.
Между этихъ-то кустовъ
Бѣжить рѣчка небольшая—
Не широка, не глубока,
Съ берегами наравнѣ.
Вотъ на эту-то рѣчушку
Гулять съ милымъ выхожу,
Печаль-горе выношу.
Завяжу я свое горе въ узелокъ,
Отпущу я свое горе
По быстрой по рѣкѣ.
Но не тонетъ мое горе,
Не тонетъ, не плыветъ,
Все ко бережку пристаётъ,
Сердцу назолушки (?) даетъ.
Всѣ лебедушки,
Всѣплыли попарно,
А я младенька—все одна.
Всѣ спорхнули, улетѣли,
Опять осталась я одна.

VII.

Несчастливая дѣвчонка
На свѣтъ была рождена,
Въ какого же тирана

Она была влюблена.

Тиранъ ты, злой мучитель,

Зачѣмъ мучишь меня?

Зачѣмъ мучишь—тиранишь,

Тиранишь и грозишь,

Съ моей несчастной долей

Ругаешь меня и бранишь?

Не разъ я тебѣ говорила,

Не два, любезный мой:

Спокойнъ свою досаду,

Побудь хоть часъ со мной.

А ты, какъ вѣтеръ въ полѣ,

Одно свое твердишь...

Вѣдь аленькій цвѣточекъ

Отъ солнышка поблекъ,

Ракитовый кусточекъ

Отъ вѣтрышка засохъ.

На кустикъ листочекъ

Отчего скоро опалъ?

Миленькій дружокъ

Отчего скоро отсталъ?

Окладная моя могила,

Окладный ты мой гробъ.

Сказалъ: не ворочуся,

Не буду больше твой!

VIII.

Ахъ вы, ночи мои, ночи темныя,

Надоѣли вы мнѣ, наскучили,

Меня съ миленькимъ разлучили.

Всю я ноченьку просидѣла,

Всѣ я думушки продумала.

Одна думушка съ ума нейдетъ,

Съ ума—крѣпкаго разума.

Сама, я, дѣвка, глупо сдѣлала—

Своего дружка прогнѣвала,

При компаніи его обезчестила,

Назвала его горькой пьяницей.

Онъ въ кабакъ идетъ—ровно макъ цвѣтеть,

Изъ кабака идетъ—онъ, какъ ракъ, ползеть,

Ползеть да все валяется,

Все мной дѣвушкой похваляется.

Откажу я ему отъ фатерушки,

Отъ мягкой постелюшки.

IX.

Безъ огня сердце мое разожгло,
Безъ буйныхъ вѣтровъ мои мысли разнесло,
Разнесло ихъ по чистымъ по полямъ,
По зеленымъ по лугамъ.
Кто бы моему горю помогъ,
Кто бы моей печали пособилъ,
Кто бы мнѣ милого воротилъ?
Не стояла бы моя горница пуста,
Не сидѣла бы я у окошечка одна,
Не лила бы я горючихъ слезъ изъ глазъ.
Гдѣ бы, гдѣ бы мнѣ его увидеть
Да въ глаза бы напенять:
Рано, рано ты отъ меня отсталъ,
Негодяйку любить сталъ.

X.

Куда ты, милый, скрылся,
Гдѣ тебя я буду искать?
Ѣдетъ милый съ полку —
Душечка домой.
Конь подъ нимъ персидскій,
Черкесскій уборъ,
Кисти бравы-золотыя
И красавчикъ собою.
Куда, милый, уѣзжаешь?
Ну, такъ Богъ съ тобой...
Зачѣмъ меня покидаешь?
Погодушка дуетъ,
Вѣтеръ подуваетъ,
Сестрицы-подружки,
Какой нонче свѣтъ!
Кого ни полюбить —
Ни въ комъ правды нѣтъ.
Богъ его накажетъ
Несчастною судьбой,
Несчастною судьбой —
Глупою женой.

XI.

Х о р о в о д н а я .

Анюточка черноброва
Любить парня не хорова.

—Я любить-то не люблю,
Наглядѣться не могу,
Ни нарадоваться.
Кину—брошу грусть—тоску,
Жить поѣду во Москву.
Во Москвѣ-то жить не буду,
Сударушку не забуду.
Сударушка моя,
Лебедушка бѣлая,
Нелюди тебя
Презирали безъ меня,
Нелюди сапожники
И безлюдье кузнецы,
Бирюсински мужики
Они воры—ябедники;
Они пашенку не пашутъ,—
Завсегда хлѣбъ продаютъ;
Они солоду не ростятъ, —
Завсегда пиво варятъ.
Завсегда пиво варятъ,
Красныхъ дѣвушекъ манятъ.

XII.

Х о р о в о д н а я:

Кумушка—кума
Одинокая была.
Затопила избушку,
Сама по воду пошла
На Самару на рѣку.
На Самарѣ рѣкѣ
Много гусей, лебедей:
Утки сѣренькія,
Гуси бѣленькіе.
Они сѣли, полетѣли,
Свѣжу воду замутили.
Я на камешкѣ стояла
Свѣжей воды ждала,
Гранатуровымъ платочкомъ размахивала.
Размахнула широко,
Почерпнула глубоко,
На плеченьки *призняла*,
На круту гору зашла.
А навстѣчу кума.
— Ужъ ты, кумушка—кума,

У тебя въ гостяхъ была. —
Безъ Ужъ истопилася изба, изуглилася;
Безъ Простой мѣденикъ *) у печки
Разнѣ Надсѣлся кипучѣтъ —
По Безъ ключевой безъ воды.
Кто Одна курочка по лавочкѣ похаживала,
Кто Поговаривала:
Кто — Ушла наша кума
По Черезъ три поля гулять,
По Ярового хлѣба жать.
На Перво поле—ярово,
Гдѣ А другое—аржено.
Да Третье поле—
Рано Конопель трещить,
Негодъ Воробей свистить,
Сто рублей тащить.

XIII.

Хороводная.
Собирались дѣвки въ лѣсъ погулять,
Въ лѣсъ по калину, по малину, по черную смородину.
Всѣ дѣвушки въ чулкахъ, въ башмакахъ,
Одна дѣвка босикомъ пошла.
На ту пору—распрокляты комары.
Всѣ дѣвки разсыпаячи идутъ,
Одна я рукавами все машу,
Машу, машу—обораниваюсь.
Оглянулась я младешенька назадъ,—
Назади-то стоитъ армія солдатъ.
—Солдатушки-батюшки,
Дайте сапоговъ поиграть,
Какой Поиграемъ да назадъ отдадимъ.—
Кого Сидятъ дѣвки посидѣночку.
На Пришелъ къ дѣвушкамъ незнакомый человѣкъ.
Его Стали дѣвки перешептываться:
Перочас Чѣмъ гостя потчевать?
Перочас Пивцомъ, винцомъ, сладкой водочкой?
Где Одна дѣвушка млада да мудрена:
Взяла паря за святыя волоса,
Провела его по сѣнникамъ.

*) Мѣдный котель.

По сѣбничкамъ, какъ сѣмечко, толкутъ,
А по крылечку, какъ ступу, волокутъ,
А по улицѣ—мимо кузницы.
Въ кузницѣ куютъ—накавыываютъ,
Своимъ женкамъ наказываютъ:
Чужой жепѣ башмачки куплю,
Своей—лапотки сплету,
Лапотки берестяные...

XIV.

Хороводная.

Неравно замужъ выйдется,
Неравенъ чортъ навяжется:
Либо старый да удушливый,
Молодой да непослуливый,
А то ровнюшка да пьяница—дуракъ.
Я вотъ стараго мужа спотѣшила—
Во чисто поле спровадила,
На осинушку повѣсила.
Пусть осинушка чипается,
Пусть мой старый мужъ удавится,
Пуškai ровнюшка казнится,
Пуškai мною не забавится.

Записанными мною пѣснями далеко не исчерпывается репертуаръ былой пѣсельницы. Всѣхъ ея пѣсенъ записать мнѣ не удалось да, къ сожалѣнію, и не удастся: вспомнивъ начало пѣсни, собесѣдница нерѣдко съ горечью отказывается: „нѣтъ, забывать стала, не вспомнить ужъ“.

Изъ записанныхъ я помѣщаю только тѣ, запись которыхъ пришлось сдѣлать два раза (для повѣрки).

Г. Виноградовъ.

с. тулуъ.

Рассказъ.—Въ Енисейскій мѣсяцъ сулъ.—При получеши
сего часа въ сѣнъ правленія государственнаго свѣда, при записи
присланныхъ въ Енисейскій мѣсяцъ сулъ, при записи
М. государя, при записи М. государя, при записи М. государя,
подписавъ въ Енисейскій мѣсяцъ сулъ, при записи М. государя.